

Владимир Одоевский

# Отрывки из журнала Маши



# Владимир Федорович Одоевский

## Отрывки из журнала Маши

### Серия «Сказки дедушки Иринея»

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=646185](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=646185)  
Владимир Федорович Одоевский. Избранное: М.; 2011*

#### **Аннотация**

«Сегодня мне исполнилось десять лет... Маменька хочет, чтобы я с сего же дня начала писать то, что она называет журналом, то есть она хочет, чтоб я записывала каждый день всё, что со мною случится... Признаюсь, я этому очень рада. Это значит... что я уже большая девушка!..»

# Владимир Федорович

## Одоевский

### Отрывки из журнала Маши

8 января 18.. года.

Сегодня мне исполнилось десять лет... Маменька хочет, чтобы я с сего же дня начала писать то, что она называет журналом, то есть она хочет, чтоб я записывала каждый день всё, что со мною случится... Признаюсь, я этому очень рада. Это значит... что я уже большая девушка!.. Сверх того, как весело будет через несколько времени прочитать свой журнал, вспомнить все игры, всех приятельниц, всех знакомых... Однако ж, должно признаться, это и довольно трудно. До сих пор я брала перо в руки только затем, чтоб или списать пропись, или написать маленькое письмецо к бабушке... Да, это совсем нелегко! Однако ж увидим... Ну, что ж я делала сегодня? Проснувшись, я нашла на столике, подле кровати, маменькины подарки. Маменька подарила мне прекрасную книжку в сафьяновом переплёте для моего журнала; папенька подарил мне очень хорошенькую чернильницу с колокольчиком. Как я этому рада! Я всё это положу на мой столик – и мой столик будет точь-в-точь как папенькин... Как я этому рада!

Я обедала... Маменька послала меня почивать.

**9 января.**

Сегодня я показывала маменьке мой вчерашний журнал. Маменька была им недовольна. «Зачем, – спросила она, – я не вижу в твоём журнале ни слова о том, что ты делала утром и после обеда?» Я не знала, что отвечать на это, да и мудрёно было бы отвечать... потому что я вчера вела себя очень дурно: и журнал, который мне маменька велела вести, и чернильница, которую папенька мне подарил, всё это как-то перемешало у меня мысли в голове, и когда поутру пришёл ко мне братец Вася звать меня с собою играть, я показала ему мою сафьянную книжку и отвечала, что я уже не могу с ним больше играть, что я уже большая. Братец рассердился, расплакался, схватил мою книжку и бросил её под стол. Это меня также рассердило; я поворотила его к дверям и толкнула, несмотря на нянюшку. Вася споткнулся, упал и ушибся, и когда няня стала мне выговаривать, то я, вместо того чтоб бежать к Васе и утешать его, сказала в сердцах, что он стоит того. В это время пришла маменька, но я так же и её слов, как нянюшкиных, не послушалась, за что маменька приказала мне не выходить из моей комнаты... Только уже к вечеру я помирилась с Васей. – Всего этого у меня духу не достало записать вчера в журнал, и я сегодня спрашивала у маменьки: неужели я в нём должна записывать даже всё то, что я сделаю дурного в продолжение дня? «Без сомнения, – отвечала маменька, – без того какая же польза будет в твоём

журнале? Он пишется для того, чтобы в нём находилось всё, что человек делает в продолжение дня, чтобы потом, прочитывая записанное, он не забывал о своих дурных поступках и старался бы исправиться. Это называется, – прибавила маменька, – отдавать себе отчёт в своей жизни».

О, признаюсь, что это очень трудно!.. До сих пор, бывало, покапризничаешь, потом попросишь у маменьки прощения – и всё забыто; на другой день и не думаешь... А теперь, что ни сделаешь дурного – ничего не забудется: маменька простит, а мой журнал всё говорить будет и завтра, и послезавтра, и чрез неделю. А как бывает стыдно, когда и на другой день вспомнишь о своей вчерашней шалости! Вот как сегодня: мне так было стыдно описывать вчерашнее моё упрямство.

Что же делать, чтоб не было стыдно, чтобы журнал не рассказывал, как я шалила, как я капризничала?.. Вижу ясно одно средство... не шалить, не капризничать и слушаться маменьки... Однако же это очень нелегко.

Сегодня все учителя были мною очень довольны. После обеда я весь вечер играла с Васей в такую игру, которую я совсем не люблю: в солдаты. Маменька меня за то очень похвалила, а Вася бросился ко мне на шею и расцеловал меня. От этого мне стало так весело...

**10 января.**

Сегодня у нас была гостья – прекрасная дама! На ней была

прелестная шляпка с перьями, я непременно такую же сделаю для моей куклы. После обеда я пришла в гостиную. Папенька и маменька разговаривали с дамой. Многого из их слов я не понимала; одно только я заметила: эта дама очень удивлялась, отчего у нас в доме так мало слуг, а между тем всё в таком порядке. «Вы, верно, – сказала она маменьке, – очень счастливы в выборе людей». – «Нет, – отвечала маменька, – но я сама занимаюсь хозяйством». – «Как это можно? – возразила дама, – я так этого никак не могу сделать». – «Кто же у вас смотрит за домом?» – спросил папенька. «Мой муж», – отвечала дама. – «Ну, теперь не удивительно, – возразил папенька, – что у вас слуг вдвое больше нашего, а между тем всё не делается в доме, как бы надобно. Муж ваш занят службою, целое утро он не бывает дома, возвращается и работает целый вечер, когда же ему заниматься хозяйством? И потому у вас им не занимается никто». – «Это почти правда, – отвечала дама, – но что же делать? Как этому помочь?» – «Смею думать, – сказал папенька, – что заниматься хозяйством – дело женщины; её дело входить во все подробности, сводить счёты, надсматривать за порядком». – «Для меня это невозможно, – отвечала дама, – я не так была воспитана: я до самого моего замужества не имела понятия о том, что называется хозяйством, только и умела, что играть в куклы, одевать себя и танцевать. Теперь я бы и хотела подумать о хозяйстве, да не знаю, как приняться. Какое я ни дам приказание – выйдет вздор, и я в отчаянии уже решилась предо-

ставить всё мужу или, лучше сказать, никому». Тут папенька долго ей говорил, что ей должно делать, чтобы выучиться тому, чему её в детстве не учили, но я многого не могла понять из его слов. Они ещё разговаривали, когда к ней приискал человек из дому и сказал, что её маленький дитятя после кушанья очень занемог. Дама вскрикнула, испугалась и сама так вдруг сделалась больна, что маменька не решилась отпустить её одну, а поехала к ней с нею вместе.

## **11 января.**

Маменька вчера возвратилась очень поздно и рассказывала, что дитятя занемог от какой-то нелуженой кастрюльки, доктора думают, что он не доживёт до утра. Маменька никак не могла удержаться от слёз, рассказывая, как страдал бедный мальчик, – и я заплакала. Я никак не могла понять, каким образом дитя могло занемочь от нелуженой кастрюльки; но когда папенька сказал: «Вот что может произойти, когда мать семейства сама не занимается хозяйством!» – «Как? – спросила я, – неужели дитя умирает от того, что его маменька не занимается хозяйством?» – «Да, моя милая, – отвечал папенька, – если б его маменьку с детских лет приучали заниматься домом больше, нежели танцами, тогда бы с нею не было такого несчастья». – «Ах, Боже мой! – вскричала я, бросившись к маменьке на шею, – научите меня хозяйству!» – «Изволь, моя милая, – отвечала маменька, – но только этого вдруг сделать нельзя; надобно, чтоб ты привыкла пома-

леньку, да достанет ли у тебя и терпения?» – «О, уверяю вас, что достанет!» – «Хорошо, – сказала маменька, – мы сделаем опыт. Ты видела в комод, что в твоей комнате, своё бельё?» – «Видела, маменька». – «Заметила ли ты, что когда прачка Авдотья приносит бельё к твоей нянюшке, то нянюшка принимает его по счёту?» – «Заметила, маменька». – «Теперь, вместо нянюшки, ты будешь принимать бельё от Авдотьи». – «Но как же, маменька, я упомню, сколько какого белья? Я заметила, что и нянюшка часто ошибается и спорит с Авдотьей». – «Я не удивлюсь этому, – сказала маменька, – потому что твоя нянюшка не знает грамоте, для тебя же большою помощью будет то, что ты умеешь читать и писать. Ты запиши на бумажке всё своё бельё и отметь, сколько, какого. Когда Авдотья будет тебе приносить его, то ты, смотря на бумажку, поверяй, всё ли то принесла Авдотья, что ты ей выдала». – «Ах, маменька, это очень легко! Как хорошо, что я умею читать и писать!» – «Вот видишь ли, моя милая, – заметила маменька, – помнишь, как ты скучала, когда заставляли тебя читать книжку или списывать прописи, ты мне тогда не хотела верить, как это необходимо». – «О, маменька! – вскричала я, – теперь во всём буду вам верить, но скажите мне, разве и бельё принадлежит к хозяйству?» – «Да, моя милая, это составляет часть хозяйства, прочее ты узнаешь со временем, теперь заметь, один раз навсегда, что без порядка не может быть и хозяйства, а порядок должен быть и в белье, и в содержании прислуги, и в покупках, и в собственном сво-



ём платье, словом, во всём, и ежели не наблюдать порядка в одной какой-либо вещи, то слуги не будут его наблюдать и в другой, и оттого всё в доме пойдёт навыворот, от этого-то и происходят такие несчастья, какое случилось с дитятею этой дамы».

## **12 января.**

Сегодня пришли нам сказать, что бедный дитятя умер; какое несчастье! Бедная мать, говорят, в отчаянии. Вижу, что надобно слушаться маменькиных слов. – Сегодня я приняла бельё от нянюшки по реестру, составила особую записку чёрному белью и отдала Авдотье: она должна его возвратить чрез четыре дня. Я спрашиваю у маменьки, как узнать, сколько надобно мыла для того, чтобы вымыть бельё. Маменька похвалила меня за этот вопрос и сказала, что на каждый пуд белья надобно фунт мыла. Я велела взвесить бельё, выданное мною Авдотье, и его вышло полпуда; из этого я заключила, что на него пойдёт мыла полфунта.

Сегодня к папеньке принесли большие свёртки, он развернул их на столе, и я увидела какие-то престранные картинки. Я никак не могла понять, что это такое. Папенька сказал мне, что это географические карты. – «На что они служат?» – спросила я его. «Они изображают землю, на которой мы живём», – сказал он. – «Землю, на которой мы живём? Стало быть, здесь можно найти и Петербург?» – «Разумеется, моя милая». – «Где же он? – спросила я папеньку, – я его не ви-

жу, здесь нет ни домов, ни улиц, ни Летнего сада». – «Точно так, моя милая, здесь нельзя видеть ни домов, ни улиц, ни Летнего сада, но это вот отчего: слушай и пойми меня хорошенько». Тут он взял лист бумаги и сказал: «Смотри, я нарисую эту комнату, в которой мы сидим, она четверугольная, и я рисую четверугольник: вот здесь окошко, здесь другое, здесь третье, вот одна дверь, вот другая, вот диван, фортепиано, стул, вот шкафчик с книгами». – «Вижу, – сказала я, – я бы тотчас узнала, что это наша комната». – «Теперь вообрази себе, что я бы хотел нарисовать план – такого рода рисунок называется планом, – план дома, в котором мы живём; но на этом же листе бумаги я его поместить не могу, и для того я, уменьшив его несколько в размере, перенесу мою комнату на другой лист. Вот посмотри: вот наша гостиная, вот кабинет, вот спальня, твоя детская. Узнала ли бы ты по этому плану, что это наш дом?» – «О, без сомнения!» – «Теперь вообрази себе, что я бы хотел на таком же листе нарисовать план нашей улицы. Посмотри, как от этого должен уменьшиться план нашего дома. Теперь ещё вообрази себе, что я на таком же листе хотел бы нарисовать план целого Петербурга. Тут наш дом должен уже обратиться почти в точку для того, чтоб можно было на этом листе уместить все улицы Петербурга; но кроме Петербурга есть и другие города, из которых иные далеко, очень далеко. Собрание всех этих городов называется нашим отечеством, Россиею. Вообрази же себе, что я хотел бы на этом же листе нарисовать план всей России, точно

так же, как я рисовал план Петербурга, план нашей улицы, нашего дома, нашей гостиной; но уже в плане России самый Петербург обратится в точку. Вот эта карта, которая теперь лежит перед нами, есть карта или план России. Вот на ней Петербург, вот и Нева; но нельзя в нём видеть ни Летнего сада, ни нашей улицы, ни нашего дома, потому что сам Петербург замечен одною небольшою точкою или, лучше сказать, этим домиком с крестиком наверху, который ты здесь видишь». – «Ах, как это любопытно! – сказала я папеньке. – А есть ли ещё что-нибудь, кроме России?» – «Как же, моя милая, есть и другие земли, и для них есть особые карты». – «Ах, папенька, как бы я желала узнать все эти земли!» – «Ты это узнаешь, моя милая, но для этого надобно учиться истории». – «А что такое история?» – «На этот вопрос отвечать долго; напомни мне о нём после».

## **17 января.**

Сегодня я принимала бельё и всё получила исправно. Нянюшка удивлялась этому и, кажется, немножко сердилась, потому что дело у меня обошлось без всяких споров и в самое короткое время. Бывало, нянюшка, обыкновенно, при всяком таком случае, много и долго спорила, да и немудрено: она и сама забывала, и Авдотья полагалась на то, что нянюшка забудет; но теперь, когда всё у меня было записано, то Авдотья, вероятно, была осторожна. Вижу теперь на опыте, какую правду мне говорила маменька, что ученье полез-

но во всём, даже в самых малейших случаях. Маменька была так довольна моею исправностию, что обещала послезавтра вести меня на детский бал к графине Воротынской. Там, говорят, будет музыка, танцы и пропасть народу. О, как будет весело!

Вспомня обещание папеньки, я пошла к нему с своим журналом и сказала: «Вы обещали рассказать мне, что такое история». – «История, моя милая, – отвечал он, – есть то, что ты теперь в руках держишь». – «Это мой журнал». – «Да, моя милая, я повторяю, что ты держишь в руках свою историю». – «Как это, папенька?» – «Описание происшествий, чьих бы то ни было, называется историей, и потому-то я сказал тебе, что ты, описывая всё, что с тобою случается, пишешь свою историю. Теперь представь себе, что я и твоя маменька, мы также пишем журналы, и Вася, когда подрастёт, будет то же делать. Если бы соединить все эти журналы, то из них бы составила история нашего семейства». – «Понимаю, папенька». – «Теперь вообрази себе, что мой папенька, а твой дедушка также писал свою историю, таким же образом и его папенька, а мой дедушка, которого вот ты видишь портрет, писал свою историю». Я посмотрела на портрет и сказала: «Ах, папенька, как бы я рада была, если бы ваш дедушка в самом деле писал свою историю». – «Для чего это, моя милая?» – «Для того, что я могла бы тогда узнать, почему он не так одет, как вы». – «Этот вопрос очень кстати, моя милая; в то время, когда жил дедушка, все одевались так, как ты его

видишь, и разница была не только в платье, но тогда иначе говорили, иначе думали. Точно то же я тебе должен сказать и о дедушке моего дедушки, вот знаешь старичка с бороδοю, которого портрет висит в столовой. Тогда ещё более разницы с нами было как в платье, так и во всём; он не только носил бороду, ходил в шитом длинном кафтане, подпоясанном кушаком, но в его доме не было ни кресел, ни дивана, ни фортепиано. Вместо того у него стояли кругом комнаты дубовые скамейки; он ездил не в карете, а всегда почти верхом; жена его ходила под фатою, никогда не показывалась мужчинам; она не ездила ни в театр, потому что его не было, ни на балы, потому что это почиталось неприличным; они оба не знали грамоты. Видишь ли, какая во всём разница с нами». – «Ах, папенька, как это любопытно! И всё это можно узнать из истории?» – «Да, моя милая, но заметь, что как жил дедушка моего дедушки, так и все, которые жили в одно с ним время. У них также были отцы и дедушки, у этих также, ещё, ещё... История всех этих людей, или, как говорят, народа, с описанием всего того, чем они были на нас похожи или не похожи, составляет то, что мы называем историею России, нашего отечества. Такие же есть истории и о других землях и народах». – «Каких же это народов, папенька?» – «О, их было много! И если бы я тебе их назвал всех, то это не дало бы тебе никакого о них понятия; ты их узнаешь постепенно. На этот раз замечу тебе только то, что они все между собою столь же мало похожи, сколько мы на прадедушку. Все они

носили разные имена, из которых теперь многие уже потерялись. Так, ты встретишь в истории такие народы, которые, вместо нашего фрака, носили на себе одни покрывала. Вот, например, бюст, который представляет человека без шляпы на голове, с одним перекинутым чрез плечо плащом, – это был человек, которого называли Сократом, он жил в земле, которую называют Грециею, почти за две тысячи лет до нас; я тебе со временем дам прочесть его историю. Теперь, чтоб получить какое-нибудь понятие об истории вообще, а с тем вместе и обо всём земном шаре».

### **19 января.**

Сегодня маменька подарила мне маленький кухонный прибор. Это для того, сказала она, чтоб я знала всё, что нужно для кухни: как которая посуда называется и для чего её употребляют, ибо хозяйке это необходимо знать. Я вне себя от восхищения!.. Я перебрала весь мой кухонный прибор, несколько раз переспросила у нянюшки, как которая вещь называется... Это меня так заняло, что мне даже досадно было, когда нянюшка пришла мне сказать, что пора одеваться и ехать на бал...

### **20 января.**

Я вчера так устала, что не могла приняться за перо, и потому решила описать сегодня всё, что со мною вчера случилось. Не знаю, с чего начать: так много я видела нового,

прекрасного... Когда мы приехали к графине Воротынской, музыка уже играла. Пропать дам, кавалеров, все так нарядны: в комнатах так светло, всё блестит!.. Дождаясь окончания танца, я села подле маленькой барышни, которая сидела в уголку, была одета очень просто, в белом кисейном платье; на ней были поношенные перчатки. Она обошлась со мною очень ласково... Признаюсь, мне было немножко досадно, потому что танцы только начались и мне долго надобно было просидеть на одном месте; но моя подруга Таня, так её называли, была так мила, что я скоро позабыла об этой неприятности. Она мне рассказывала, как вырезать картинки и наклеивать на дерево или на стекло, выклеивать ими внутри хрустальных чаш; как переводить живые цветы на бумагу, как срисовывать картинки; я не знаю, чего эта девочка не знает!.. Одним словом, время протекло с нею для меня незаметно, если бы не она, то я бы целые полчаса умирала со скуки. – Между тем танец кончился, и все мои маленькие приятельницы бросились обнимать меня, но я заметила, что многие из них не говорили ни слова с Таней и очень невежливо оборачивались к ней спиною. Это мне было очень неприятно, и я, со своей стороны, стала беспрестанно обращаться к Тане и с нею заговаривать. Вдруг маленькая хозяйка дома, графиня Мими, схватила меня за руку и, сказав, что она хочет мне показать другие комнаты, увела меня от Тани. Когда мы отошли на несколько шагов, графиня Мими сказала мне: «Что вы всё говорите с этою девочкою? Пожалуйста,

не дружитесь с нею!» – «Да почему же? – спросила я, – она очень мила». – «Ах, как вам не стыдно! – сказала графиня Мими. – Мы с нею не говорим; я не знаю, зачем маменька позволила ей приехать к нам. Она дочь нашего учителя. Посмотрите, какие на ней чёрные перчатки, как башмаки дурно сидят; говорят, что она у своего папеньки ходит на кухню!» Очень мне жаль было бедной Тани и хотелось мне за неё заступиться, но все мои маленькие приятельницы так захохотали, повторяя: «Ходит на кухню, кухарка, кухарка», что я не имела духу вымолвить слова. Тут начались танцы: у меня сердце сжималось, слушая, как мои приятельницы смеялись над Таней и говорили: посмотрите, как танцует кухарка! Это дошло до того, что одна из моих маленьких приятельниц подошла к Тане и, насмешливо посмотрев на неё, сказала: «Ах, как от вас пахнет кухней!» – «Я удивляюсь этому, – очень просто отвечала Таня, – потому что платье, в котором я хожу на кухню, я оставила дома, а это у меня другое». – «Так вы ходите на кухню?» – закричали все с хохотом. «Да, – отвечала Таня, – а вы разве не ходите? Мой папенька говорит, что всякой девочке необходимо нужно приучаться к хозяйству». – «Да ведь мы и вы – совсем другое», – сказала одна из барышень. – «Какая же между нами разница?» – спросила Таня. «О, пребоольшая, – отвечала гордая барышня, – у вас отец – учитель, а у меня – генерал; вот, посмотрите: в больших эполетах, со звездой, ваш отец нанимается, а мой нанимает; понимаете ли вы это?» И с этими словами она оборо-



тилась к Тане спиной. Таня чуть не заплакала, но, несмотря на то, все её оставили одну и – я вместе со всеми. Я невольно за себя краснела. Я видела, что все презирали Таню за то, чего именно от меня требовала маменька и что я сама любила, но не имела силы подвергнуть себя общим насмешкам. И Таня стояла одна, оставленная всеми; никто не подходил к ней, никто не говорил с нею. Ах, я очень была виновата! Она одна приласкала меня, когда никто не обращал на меня внимания, когда мне было скучно!.. Но кажется, что маменька графини Мими заметила её несправедливое презрение к Тане; я это думаю вот почему. Графиня, поговоря с другими маменьками, позвала нескольких из нас в другую комнату. «Как это хорошо, – сказала она, – что вы теперь все вместе, все вы такие милые, прекрасные, – я бы хотела иметь ваши портреты; это очень легко и скоро можно сделать: каждая из вас сделает по тени силуэт другой, и, таким образом, мы в одну минуту составим целую коллекцию портретов, и, в воспоминание нынешнего вечера, я повешу их в этой комнате». При этом предложении все призадумались, принялись было за карандаши, за бумагу, но, к несчастью, у всех выходили какие-то каракульки, и все с досадою бросили и карандаши и бумагу. Одна Таня тотчас обвела по тени силуэт графини Мими, взяла ножницы, обрезала его кругом по карандашу, потом ещё раз – и силуэт сделался гораздо меньше, потом ещё – и силуэт Мими сделался такой маленький, какой носится в медальонах, и так похож, что все вскрикнули от удив-

ления. Очень мне хотелось, чтобы Таня сделала и мой силуэт, но после моего холодного с нею обращения я не смела и подумать просить её о том; каково же было моё удивление, когда Таня сама вызвалась сделать мой силуэт. Я согласилась: она сделала его чрезвычайно похоже и отдала графине. Потом, взглянув на меня, эта добрая девочка, видно, прочла в моих глазах, что мне очень бы хотелось оставить этот силуэт у себя; она тотчас по первому силуэту сделала другой, ещё похожее первого, провела его несколько раз над свечою, чтоб он закоптился, и подарила его мне. Тут я не могла более удержаться, бросилась к ней на шею и, почти со слезами, просила у неё прощения. Милая Таня сама была растрогана. Графиня Мими не знала, куда от стыда деваться; но этим не кончилось. Кажется, этот вечер нарочно был приготовлен для торжества Тани. В той комнате, в которой для нас приготовлен был чай, стояло фортепиано. Графиня Воротынская предложила многим из нас, и в том числе своей дочери, сыграть на фортепиано. Графиня Мими сыграла, и очень плохо, начало маленькой сонаты Черни и принуждена была остановиться от беспрестанных ошибок. Иные умели сыграть только гамму и несколько аккордов. Когда дошла очередь до Тани, то она сыграла Фильдово рондо, но с такою лёгкостью, с таким искусством, что все были приведены в удивление. Стали просить меня: я знала другое Фильдово рондо и могла бы сыграть его не хуже Тани, но я не хотела отнимать у неё торжества, и, как ни больно было моему самолюбию, я удо-

вольствовалась тем, что сыграла маленькую старую сонату Плейеля, которую я учила, когда меня ещё только начинали учить на фортепиано. Разумеется, меня хвалили, но не так, как Таню. Одна маменька поняла моё намерение и, поцеловав меня, сказала, что она всегда была уверена в моём добром сердце. Я просила маменьку, чтобы она позволила Тане приехать к нам, маменька согласилась, и Таня увидит, буду ли я уметь любить её и быть ей благодарной...

## **29 января.**

Сегодня, после обеда, папенька подозвал меня и братцев к столу. «Давайте играть, дети», – сказал он. Мы подошли к столу, и я очень удивилась, что на столе была географическая карта, которую я у папеньки видела; с тою только разницею, что она была наклеена на доску, но на тех местах, где находились названия городов, были маленькие дырочки. «Как же мы будем играть?» – спросила я. «А вот как». – Тут папенька роздал нам по несколько пуговиц, на которых были написаны имена разных городов России, у этих пуговиц были приделаны заострённые иголки. «Вы прошлого года, – сказал нам папенька, – ездили в Москву и, верно, помните все города, которые мы проезжали?» – «Как же, помним, помним!» – вскричали мы все. «Так слушайте же: вообразите вы себе, что мы опять отправляемся в Москву, но что кучера не знают дороги и беспрестанно спрашивают, чрез какой город нам надобно ехать? Вместо того, чтоб нам пока-

зывать кучерам дорогу, мы будем вставлять в эти дырочки наши пуговки, и тот, у кого останется хоть одна пуговка и он не будет знать, куда поместить её, тот должен будет заплатить каждому из нас по серебряному пяточку, – и это будет справедливо, потому что если б в самом деле в дороге наш проводник не умел показать её, то мы были бы принуждены остановиться на месте или воротиться назад и, следовательно, издерживать напрасно деньги». – «О! – сказала я. – Это очень легко: здесь на карте все города написаны. Вот видите ли, – сказала я братцам, – вот Петербург, а от него идёт линейка, а на этой линейке вот Новгород, вот Торжок, вот Тверь». И почти в одну минуту мы поставили на места наши пуговки: Петербург – на Петербург, Новгород – на Новгород, Крестцы – на Крестцы и так далее; одному Васе было немножко трудно, но я ему помогла. «Прекрасно! – сказал папенька, – я вами очень доволен, и надобно вам заплатить за труды; вот вам каждому по пяточку. Теперь посмотрим, в самом ли деле вы так хорошо помните эту дорогу?» С этими словами папенька положил на стол другую карту. «Что это такое?» – спросила я. «Это та же карта России, – отвечал папенька, – только с тою разницею, что здесь нет надписей и вам придётся угадывать города по их местоположению. Такие карты называются немymi картами. На первый раз я вам помогу и покажу место Петербурга, вот он! Теперь прошу покорно отыскать мне дорогу в Москву. Кто ошибётся, тот заплатит мне пяточок за ложное известие». – «О, папенька,

это очень легко», – сказала я, и, увидевши, что и на этой карте от Петербурга идёт линейка, мы вместе с братцами скоро стали ставить одну пуговку за другой, и скоро пуговки наши были поставлены на места. «Хорошо, – сказал папенька, – посмотрим, куда-то вы меня завезли!» С этими словами он вынул прежнюю карту и, показывая на неё, сказал: «Хорошо! Новгород поставлен на место; а теперь... ге! ге! Вместо Крестцов вы меня завезли в Порхов, потом на Великие Луки. Торжок залетел в Велиж, Тверь в Поречье, и Смоленск вы приняли за Москву. Покорно благодарю: прошу расплатиться за мой напрасный проезд». И наши пяточки перешли снова к папеньке. «Но согласитесь, – сказала я, отдавая ему деньги, – что тут очень легко было ошибиться; посмотрите: обе дороги идут вниз, и Смоленск почти на одном расстоянии с Москвою». – «Разумеется, ваша ошибка была простибельна, – отвечал папенька, – хотя всё-таки по чертам, которыми обведена каждая губерния, можно было догадаться, что вы не туда заехали. Впрочем, есть вернейшее средство узнавать на карте то место, которое ищешь, а именно: по линиям, которые, как решёткой, покрывают карту и называются меридианами; но об этом поговорим после, а теперь я вам дам один только совет, как вперёд не ошибаться. Возьмите карту: посмотрите на ней хорошенько фигуру тех мест, которые вам надобно заметить, зажмурьте глаза и старайтесь представить в уме своём то, что вы видели на карте; потом попробуйте начертить замеченное вами место на бумаге и

поверьте вами нарисованное с картой...»

**2 мая 1834 года.**

Вчера, входя в маменькину комнату, я увидела у неё на столе большой кожаный мешок; я хотела было приподнять его, но он едва не выпал у меня из рук – такой он был тяжёлый.

– Что это такое? – спросила я у маменьки.

– Деньги, – отвечала она.

– Как! Это всё деньги? Сколько же тут денег?

– Пятьсот рублей, – отвечала маменька.

– И это всё ваши? Отчего же, маменька, вы часто говорите, что вы небогаты?

Маменька улыбнулась.

– Скажи мне, пожалуйста, как ты думаешь, что это значит: быть богатой?

– Быть богатой?.. Это значит иметь много денег, иметь сто, двести, пятьсот рублей.

– А как ты думаешь, что такое деньги?

– Деньги?.. То есть рубли, полтинники, четвертаки, двугривенные, гривенники, пяточки...

– Ну, а что ещё?

– Импералы, полуимпералы.

– Хочешь ли, Маша, – продолжала маменька, – я тебе к обеду насыплю на тарелку целковых?

– Вы смеётесь надо мною, маменька, разве можно есть

целковые?

– А что же ты ешь каждый день?

– Вы это знаете, маменька, – суп, хлеб, жаркое...

– А откуда берётся и суп, и хлеб, и жаркое?

– Хлеб приносит каждый день булочник, за другую провизию Иван ходит на рынок.

– Как ты думаешь, Иван даром берёт провизию?

– О нет, маменька, я знаю, что вы ему даёте денег на провизию.

– Стало быть, ты неправду сказала, будто не ешь денег; ты их ешь каждый день за обедом.

– Да, это правда.

– Теперь ты поймёшь, если я скажу тебе, что ты одета деньгами, что ты спишь, сидишь на деньгах, потому что твоё платье, стул, постель, часы, всё, что ты видишь в комнате, всё куплено на деньги.

– Это правда, маменька, но это так смешно кажется подумать, что я сижу и сплю на деньгах.

– Скажи же мне теперь, что такое деньги?

– О! Теперь я знаю: деньги – это платье, хлеб, мебель – словом, всё, что мы употребляем.

– Ты можешь к этому прибавить и квартиру, потому что я каждый год плачу за неё хозяину деньги.

– Это правда, маменька, но мне всё кажется, что пятьсот рублей много, очень много денег.

– Ты это говоришь потому, что не знаешь цены вещам.

– Что это значит, маменька, цена вещам?

– Например, как ты думаешь, сколько раз ты можешь пообедать за пятьсот рублей?

– Не знаю, маменька.

– Поди, принеси мою расходную книгу, и мы посмотрим.

Я принесла расходную книгу, и маменька сказала мне:

– Посмотри, что нам стоит нынешний обед?

– Пять рублей сорок копеек.

– А вчерашний?

– Четыре рубля шестьдесят копеек.

– А третьего дня?

– Два рубля девяносто копеек.

– А четвёртого дня?

– Семь рублей двадцать копеек. Я не знаю, как и счесть, маменька; каждый день всё разный расход.

– Я тебе помогу. Сосчитай, сколько мы издержали в продолжение недели; сколько будет?

Я насчитала тридцать пять рублей семьдесят копеек.

– Это делает с небольшим пять рублей в день; ты видишь, что пятисот рублей неостанет и на сто обедов, то есть с небольшим на три месяца, не считая ни платья, ни квартиры, ни других издержек.

Признаюсь, этот неожиданный счёт очень удивил и даже испугал меня.

– Вообрази себе, – продолжала маменька, – что есть люди, которые не имеют пятисот рублей и в продолжение целого



года.

– Да как же живут они? – спросила я.

– Они едят только хлеб и щи, иногда кашу, и это ещё люди трудолюбивые, достаточные; есть другие, которые и того не имеют.

– Скажите же мне, маменька, что же бы вы делали, если бы мы были бедны; как же бы мы жили?

– Как другие: мы бы стали работать за деньги и особенно не издерживали больше нашего дохода. Впрочем, так надобно поступать и богатым людям; без того и богатый будет в нужде, как бедный.

– Разве богатый может быть в нужде?

– Очень легко: если он будет издерживать все свои деньги на вещи ненужные, на прихоти, тогда у него неостанет их и на необходимые, или он принуждён будет войти в долги. Это-то состояние я называю – быть в нужде, быть бедным.

– Скажите мне, маменька, каким образом входят в долги?

– Двумя способами: или не платят мастеровым, которые для нас работают разные вещи, или занимают у тех, у которых денег больше нашего. Первый способ – величайшая несправедливость; нет ничего безнравственнее, как удерживать деньги людей, которые для нас трудились. А второй способ равняет нас с нищими, заставляя нас как будто просить милостыню. Того и другого можно избегнуть только хорошим хозяйством.

– Вы и папенька обещали меня учить хозяйству; скажите

мне, сделайте милость, что же такое хорошее хозяйство?

– Хорошее хозяйство состоит в том, чтоб издерживать ни больше, ни меньше, как *сколько* нужно и *когда* нужно. Я очень бы хотела научить тебя этому секрету, потому что он даёт возможность быть богатым с небольшими деньгами.

– Кто же вас научил ему, маменька?

– Никто. Я должна была учиться сама и оттого часто впадала в ошибки, от которых мне бы хотелось тебя предостеречь. Меня не так воспитывали: меня учили музыке, языкам, шить по канве и особенно танцам; но о порядке в доме, о доходах, о расходах, вообще о хозяйстве мне не давали никакого понятия; в моё время считалось даже неприличным девушке вмешиваться в хозяйство. Я видела, что бельё для меня всегда было готово, обед также, и мне никогда не приходило в голову подумать: как всё это делается? Помню только, что меня называли хорошею хозяйкою, потому что я разливала чай, и добродушно этому верила. Когда я вышла замуж, тогда увидела, как несправедливо дано было мне это название: я не знала, за что приняться, всё в доме у меня не ладилось, и твой папенька на меня сердился за то, что я никак не умела свести доходов с расходами. Я издерживала на одно, у меня недоставало на другое; так что я тогда была гораздо беднее, нежели теперь, хотя доходы наши всё одни и те же.

– Отчего же так?

– Я не знала цены многим вещам и часто платила за них больше, нежели сколько они стоят; а ещё больше оттого, что

не знала, какие вещи мне необходимо нужны и без каких можно было обойтись; однако ж мне не хотелось, чтобы твой папенька на меня сердился, и я до тех пор не была спокойна, пока не привела в порядок нашего хозяйства.

– Как же вы привели его в порядок?

– Я начала с того, что стала отдавать себе отчёт в моих издержках; пересматривая расходную книгу, я замечала в распределении наших издержек те вещи, без которых нам можно было обойтись или которые могли быть дешевле. Я заметила, например, что мы платили слишком дорого за квартиру, и рассудила, что лучше иметь её этажом выше, нежели отказывать себе в другом отношении. Так поступила я и с прочими вещами.

– Скажите мне, маменька, что значит распределение издержек?

– Распределение издержек или, всё равно, распределение доходов есть главнейшее дело в том хорошем хозяйстве, о котором мы говорим. Это понять довольно трудно; но я предполагаю в тебе столько рассудка, что думаю, при некотором размышлении, ты поймёшь меня. Ты помнишь, мы говорили, что деньги – это те же вещи, которые нам нужны: платье, стол, квартира; поэтому надобно на каждую из этих вещей определить или назначить часть своего дохода. От этого назначения или распределения зависит хорошее хозяйство, а с тем вместе и благосостояние семейства; но при этом распределении мы должны подумать о том, чем мы обязаны са-

мим себе и месту, занимаемому нами в свете.

Это я совершенно не поняла.

– Скажите, – спросила я у маменьки, – что значит место, занимаемое нами в свете?

– Количество денег, которые мы имеем, – отвечала маменька, – или, лучше сказать, количество вещей, которое можно получить за деньги, бывает известно всем нашим знакомым, и потому, когда мы говорим, что такой-то человек получает столько-то доходу, то с тем вместе рождается мысль о том образе жизни, какой он должен вести, или о тех вещах, которые он должен иметь.

– Почему же должен, маменька? Кто заставляет человека вести тот или другой образ жизни, иметь у себя те или другие вещи?

– Если хочешь, никто, кого бы можно было назвать по имени, но в обществе существует некоторое чувство справедливости, которое обыкновенно называют общим мнением и с которым невозможно не сообразовываться. Я бы могла, например, не занимать такой квартиры, как теперь, жить в маленькой комнате, спать на войлоке, носить миткалевый чепчик, выбойчатое платье, какое у нянюшки, однако же я этого не могу сделать.

– Разумеется, маменька: все, кто приезжает к нам, стали бы над нами смеяться.

– Ты видишь поэтому, что место, которое я занимаю в свете, заставляет меня делать некоторые издержки, или, други-

ми словами, иметь некоторые вещи, сообразные с моим состоянием. Заметь это слово: *сообразные* с моим состоянием; так, например, никто не станет укорять меня за то, что я не ношу платьев в триста и четыреста рублей, какие ты иногда видишь на нашей знакомой княгине. Свет имеет право требовать от нас издержек, сообразных с нашим состоянием, потому что большая часть денег, получаемых богатыми, возвращается к бедным, которые для нас трудятся. Если бы богатые не издерживали денег, тогда бы деньги не приносили никому никакой пользы, и бедные умирали бы с голоду. Так, например, если бы все те, которые в состоянии содержать трёх или четырёх слуг, оставили бы у себя только по одному, то остальные бы не нашли себе места. Теперь ты понимаешь, что значит жить прилично месту, занимаемому в свете? Но, при распределении издержек, мы должны думать и о том, чем мы обязаны перед самими собою, т. е. мы должны знать, сколько наши доходы позволяют нам издерживать. Есть люди, которые из тщеславия хотят казаться богаче, нежели сколько они суть в самом деле. Это люди очень неразумные; для того, чтобы поблистать пред другими, они отказывают себе в необходимом; они всегда беспокойны и несчастливы; они часто проводят несколько годов роскошно, а остальную жизнь в совершенной нищете; и всё это потому только, что не хотят жить по состоянию. Ты помнишь, папенька рассказывал о своём секретаре, который в день своей свадьбы издержал весь свой годовой доход, потом продал

мебель, чтобы не умереть с голода в продолжение года, и, наконец, пришёл просить у нас денег на дрова.

– Научите же, маменька, каким образом надобно жить по состоянию?

– Я тебе повторяю, что у меня на каждый род издержек назначена особенная часть моих доходов, и я назначенного никогда не переступаю. Правда и то, что мне легче других завести такой порядок, потому что я каждый месяц получаю непременно определённую сумму. Тем, которые получают деньги в разные сроки, по различным суммам, труднее распорядиться. Впрочем, всякое состояние требует особенного, ему свойственного хозяйства; всякий должен стараться приспособить порядок своего дома к своим обстоятельствам. Так, например, если б у меня было вас не трое, а больше или меньше, тогда бы я иначе должна была распределить свои доходы.

– Это правда, маменька; надобно всё делить поровну.

– Поровну? Я этого не скажу. Дело не в том, чтобы делить всё поровну, но чтобы всякому доставалось сообразно его потребностям. Так, например, я иногда употребляю для себя денег больше, нежели для тебя, то есть беру для себя больше материи, нежели для тебя, а между тем мы получаем поровну, обеим выходит по два платья.

– Всё это очень хорошо, маменька, но только трудно запомнить.

– Совсем не так трудно, как ты думаешь, и я тебе дам пре-

красное средство припомнить всё, что я тебе до сих пор говорила.

С этими словами маменька вынула из бюро небольшую книжку, переплетённую в красный сафьян, и сказала мне:

– Вот тебе подарок: с сегодняшнего дня ты будешь сама располагать теми деньгами, которые я назначаю для твоего содержания, словом, ты будешь делать для себя то, что я делаю для целого дома. Каждый месяц ты будешь получать от меня сумму денег, для тебя назначенную, сама будешь располагать ею и записывать издержки в этой книжке. На левой стороне ты напишешь в ней слово: *приход*, выставишь год и месяц; на другой страничке – слово: *расход*, и также выставишь год и месяц; на этой странице по числам ты будешь записывать свои издержки. Понимаешь ли?

– Кажется, маменька.

– Заметь ещё вот что: каждый месяц ты мне стоишь около двадцати рублей; однако эта сумма, двадцать рублей, не издерживается в каждом месяце. В начале зимы или лета я приготавливаю всё, что для тебя нужно; в следующие за тем месяцы я откладываю ту сумму, которая остаётся от мелких ежемесячных издержек. Теперь у меня к первому мая осталось для тебя шестьдесят пять рублей, да сверх того тебе следует получить на нынешний месяц двадцать рублей, итого восемьдесят пять рублей. Подумай же хорошенько, на что ты должна их употребить; завтра я спрошу тебя об этом.

**8 мая.**

Всё, что говорила до сих пор маменька, было довольно трудно для моего понятия, так трудно, что я не решилась записывать в журнал моих ежедневных с нею об этом разговоров, и уже по прошествии недели, вразумев хорошенько всё, что маменька мне говорила, я решилась записать их. Я прочитала маменьке всё записанное мною, и она похвалила меня, сказав, что я совершенно поняла её.

Итак, у меня теперь восемьдесят пять рублей! Что ни говори маменька, думала я, а это много денег. Я помню, когда папенька давал мне в день моих именин синенькую бумажку, я не знала, что с нею делать; а теперь у меня семнадцать новых синеньких бумажек!..

По совету маменьки я написала на первом листе с левой стороны: «Приход, 1 мая, 85 рублей» и, пришедши к маменьке, сказала ей:

– Маменька! Теперь время приходит думать о том, что мне надобно к лету: поедемте в лавки.

– погоди, – отвечала она, – надобно прежде подумать, что тебе именно нужно.

– Но как же я могу знать, не побывав прежде в магазинах?

– Ничего нет легче, – сказала она, – ты знаешь, что мы должны издерживать деньги только на те вещи, которые нам действительно нужны. Подумай хорошенько, чего тебе недостаёт в твоём гардеробе, сообразишь с своими деньгами и реши наперёд, что тебе именно нужно.



Подумавши немного, я нашла, что мне необходимо нужно два платья, потому что хотя и есть у меня два белых платья, но одно уже старо и стало мне узко и коротко, другое можно ещё поправить. Розовое платье ещё можно носить, но голубое никуда не годится. Порядочно рассудив об этом, я сказала маменьке:

– Мне бы хотелось иметь два платья: одно получше, однако ж не очень маркое, а другое просто белое. Как вы думаете, правду ли я говорю?

– Посмотрим, – отвечала маменька. – Что тебе ещё нужно?

– Моя зимняя шляпка совсем уже истаскалась; я думаю, что теперь мне надобно другую, соломенную.

– Тебе нужны ещё башмаки, перчатки.

– Это правда, маменька, но это всё безделица, и у меня ещё останется довольно денег.

– Тем лучше; никогда не должно издерживать всего своего дохода, надобно думать и о непредвиденных случаях; для них надобно всегда оставлять что-нибудь в запас. Тебе случается терять платки, ты неосторожна и часто мараешь свои платья, наши недостатки всегда нам стоят дорого; кто не хочет избавиться от них, тот должен сберегать для них, в запас, деньги. Подумай ещё хорошенько, не нужно ли тебе ещё чего?

– Тут, кажется, всё, маменька.

– Хорошо, но я всё думаю, что ты что-нибудь забыла, и по-

тому я тебе советую определять не слишком большую сумму на свои платья, например не больше тридцати рублей на оба платья, пятнадцать или двадцать на шляпку – это уже составит пятьдесят рублей.

– Но у меня восемьдесят пять рублей, маменька.

– Это правда; вспомни, однако, что у тебя остаются ещё другие издержки и что мы условились оставлять хотя что-нибудь к будущему месяцу. Завтра мы поедем в лавки.

## **9 мая.**

Сегодня я проснулась очень рано: я почти не могла спать от мысли, что сегодня я сама пойду в магазины, сама буду выбирать себе платья, сама буду платить за них. Как это весело!..

Я возвратилась домой. Как странно жить в этом свете и как ещё мало у меня опытности! Войдя в лавку, я стала рассматривать разные материи; прекрасное тебе, белое с разводами, бросилось мне в глаза.

– Можно мне купить это? – спросила я у маменьки.

– Реши сама, – отвечала она. – Почём аршин? – продолжала маменька, обращаясь к купцу.

– Десять рублей аршин, это очень дёшево; это настоящая французская материя; её ни у кого ещё нет.

– Тебе надобно четыре аршина, – заметила маменька, – это составит сорок рублей, то есть больше того, что ты назначала на два платья.

– Да почему же, маменька, я обязана издержать на моё платье только тридцать рублей?

– Обязана потому, что надобно держать слово, которое мы даём себе. Скажи мне, что будет в том пользы, если мы, после долгого размышления, решимся на что-нибудь и потом ни с того ни с сего вдруг переменим свои мысли?

Я чувствовала справедливость маменькиных слов, однако ж прекрасное тебе? очень прельщало меня.

– Разве мне нельзя, – сказала я, – вместо двух платьев сделать только одно?

– Это очень можно, – отвечала маменька, – но подумай хорошенько: ты сама находила, что тебе нужно два платья, и действительно тебе без новых двух платьев нельзя обойтись; ты сама так думала, пока тебя не прельстило это тебе?. Вот почему я советовала тебе привыкнуть заранее назначать свои издержки и держаться своего слова.

Ещё раз я почувствовала, что маменька говорила правду, но невольно вздохнула и подумала, как трудно самой управляться с деньгами. Кажется, купец заметил моё горе, что тотчас сказал мне:

– У нас есть очень похожий на это кембрик.

В самом деле он показал мне кисею, которая издали очень походила на тебе?; я спросила о цене; три рубля аршин. Эта цена также была больше той суммы, которая назначена была мною на платье.

– Нет, это дорого, – сказала я маменьке.

Маменька улыбнулась.

– Погоди, – сказала она, – может быть, другое платье будет дешевле, и мы сведём концы.

И точно: я нашла прехорошенькую холстинку по рублю пятидесяти копеек аршин. Таким образом эти оба платья вместе только тремя рублями превышали сумму, мною для них назначенную.

– Не забудь, – сказала маменька, – что мы должны навести эти три рубля на других издержках.

Мы просили купца отложить нашу покупку, сказав, что пришлём за нею, и пошли в другой магазин. Там, по совету маменьки, мы купили соломенную шляпку, подложенную розовым гроденаплем, с такою же лентою и бантом. За неё просили двадцать рублей, но когда маменька поторговалась, то её отдали за семнадцать рублей. Потом мы пошли к башмачнице; я там заказала себе ботинки из дикенького сафьяна за четыре рубля. Оттуда мы пошли к перчаточнице и купили две пары перчаток.

– Я предвидела, – сказала маменька, – что мы что-нибудь забудем; ведь нам надо взять подкладочной кисеи к твоим платьям.

И мы возвратились в первый магазин. Вошедши в него, я увидела даму, которая, сидя возле прилавка, разбирала множество разных материй, которые купец ей показывал. «Вот шерстяная кисея, фуляры, – говорил купец, – вот тебе? шали, шёлковая кисея, французские кашемиры». Дама на всё

смотрела с равнодушным презрением, однако всё покупала. Это ей годилось для утреннего туалета, то для вечера, то таскать дома; и она всё покупала.

Я смотрела на эту даму с удивлением и даже, боюсь сказать, с какою-то завистью. Как она должна быть богата, думала я. Между тем маменька взяла подкладочной кисеи и сказала мне: «Пойдём же, Маша». Маменькин голос заставил даму оборотиться; она тотчас встала и подошла к маменьке.

– Ах! Это ты, Катя, – вскричала она, – тебя нигде не видно, ты совсем забыла меня, а помнишь, как мы вместе учились танцевать.

Маменька отвечала ей, что у неё домашние хлопоты отнимают всё время, и к тому же, прибавила она, тебя никогда не застанешь дома.

– О, это просто *эпиграмма*<sup>1</sup> на меня! – отвечала дама, – напротив, я сейчас еду домой. Поедем вместе со мною, я тебе покажу новую картину, которую купил мой муж. Он уверяет, что она чудесна; ты большая мастерица рисовать и скажешь мне о ней своё мнение. Как бы я рада была, если б мой муж ошибся! Может быть, это бы его отучило от страсти к картинам: он на них совершенно разоряется.

После некоторого сопротивления маменька согласилась; мы сели в карету богатой дамы и поехали к ней.

Я не могла удержаться и сказала:

– Ах! Как весело ездить в карете.

---

<sup>1</sup> *Эпиграмма* – т. е. насмешка. (Примеч. В. Ф. Одоевского.)

– Да, – заметила дама, – я не знаю, как можно обходиться без кареты.

– Однако же, – промолвила маменька, – есть люди, которые без неё обходятся.

– Вообрази себе, Катя, – отвечала дама, – что муж мой хотел обойтись без кареты и ездить всегда в кабриолетке, но я доказала ему, что без кареты обойтись невозможно.

– Но когда содержание кареты превосходит наше состояние, тогда что делать?

– Уж что бы там ни было, – отвечала дама, – но карета – вещь необходимая; надобно же иногда приносить жертву тому месту, которое мы занимаем в свете.

Маменька взглянула на меня – я поняла её. Мы приехали.

Маменька прошла с дамой в ту комнату, где была картина, а я осталась в гостиной. Здесь, на ковре, играла маленькая дочь хозяйки; никто ею не занимался; на ней было бархатное платье, но уже довольно старое; поясок заколот булавкою, потому что пружка была изломана; пелеринка была смята и изорвана; башмаки стоптаны.

Когда мы вышли от этой дамы, я спросила у маменьки, заметила ли она странный туалет дитяти.

– Как не заметить, – отвечала она, – эта дама гораздо богаче меня, но дочь её носит стоптанные башмаки, тогда как у тебя новые; это оттого, что моя приятельница целый век думает только о своих прихотях; никогда не соображает своего прихода с расходом; что она ни увидит, ей всего хочется;

покупают всё, что ей ни понравится, и мысль о том, что она может вконец разориться, оставить дочь без куска хлеба, ей никогда не приходит в голову. Она ничего не видит дальше настоящей минуты. Я того и жду, что она скоро совсем разорится и горькою бедностью заплатит за свою теперешнюю роскошь.

Это меня поразило.

– Ах, маменька, – сказала я, – клянусь вам, что я никогда не дам над собою воли прихотям.

– Обещай мне, по крайней мере, стараться об этом, – заметила маменька. – С первого раза трудно научиться побеждать себя.

Тут мы вошли в магазин, где я выбрала пояски, потому что маменька хотела за один раз купить всё нужное, говоря, что не надобно понапрасну терять времени. Пока мы разбирали пояски, я увидела прекрасный шейный платочек, и мне очень его захотелось; он стоил только пять рублей.

– Маша, – сказала мне маменька, – ведь это – прихоть.

– Но, маменька, – возразила я, – мне очень нужен шёлковый платочек, у меня ведь нет ни одного; у меня ещё довольно осталось денег, почему же мне не купить этот платочек?

– А сколько у тебя осталось денег?

– Двадцать рублей... доход мой за целый месяц.

– Вспомни, что тебе надобно заплатить ещё, по крайней мере, десять рублей за шитьё платьев и также оставить что-нибудь в запасе, потому что до окончания месяца ты можешь

иметь ещё нужду в деньгах.

– Но, маменька, если я куплю этот платочек, у меня ещё останется пять рублей.

– Тебе очень захотелось этого платочка, он стоит довольно дорого, а ты можешь без него обойтись. Знаешь ли ты, Маша, что на эти пять рублей можно купить десять аршин выбойки, а из десяти аршин выйдет два платья дочерям той бедной женщины, которая к нам ходит и которая так долго была больна и не могла работать.

Эти слова привели меня почти в слёзы.

– Нет, маменька, – сказала я, – я не хочу платочка, купите на пять рублей выбойки для бедных малюток.

Маменька поцеловала меня.

– Я очень рада, – сказала она, – что ты хочешь употребить деньги на действительную нужду, а не на прихоть. Ты сегодня сделала большой шаг к важной науке – науке жить. Когда тебе будет двенадцать лет, тогда ты мне будешь помогать в хозяйстве всего дома.

– Ах, как это будет весело, милая маменька! Только я не буду знать, как за это приняться, – сказала я, подумав немного.

– Не будешь уметь приняться? Ты примешься за всё хозяйство точно так же, как принялась за своё собственное. Теперь запиши в своей книжке всё, что ты издержала, это всегда надобно делать тотчас. Чтобы не забыть всего того, что мы говорили в продолжение всей этой недели, напиши на



первом листе слова Апостола Павла: *«Тот богат, кто довольствуется тем, что имеет».*

– Запиши также, – прибавила маменька, – слова Франклина, великого человека, которого историю я когда-нибудь тебе расскажу: *«Если ты покупаешь то, что тебе не нужно, то скоро ты будешь продавать то, что тебе необходимо».*